

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

Американская мечта это мечта о богатстве. Но почему нет французской, итальянской, русской мечты? В европейских странах мечта о богатстве также существовала, но она включалась в широкий спектр представлений о полноценном существовании, была растворена в общей культуре кастового общества, где, для подавляющего большинства мечта о богатстве было беспредметной фантазией. В США, стране индивидуального предпринимательства, богатство стало достижимо для миллионов, мечта, перестав быть абстракцией, превратилась в жизненную цель и эпицентр общественных интересов.

Термин Американская Мечта появился в 1931 году, в книге историка Джеймса Труслоу Адамса “Американский эпос”, где автор проследил трансформацию «американской идеи» с момента основания Нового Света. Американская идея изначально была идеей религиозной. Английские протестанты, прибывшие в 1620 году на новый континент, не мечтали о богатстве, их целью было построение Царства Божьего на земле, где человек направит все силы на расцвет своего духа. В глазах первых переселенцев, Отцов-Пиллигримов, пуритан, в Старом Свете не было места для Царства Божьего, католическая Европа, живущая низменными страстями, предала идеи истинного христианства, духовная жизнь в ней угасала и она была обречена также, как когда-то Содом и Гоморра.

На новом континенте, далеко от развращенной цивилизации Европы, среди нетронутой природы, протестанты надеялись построить новый совершенный мир, и в процессе его созидания, в процессе труда, очистится и обогатится духовная природа человека. Труд – служение Богу, он увеличивает богатство, которое Он подарил человеку и результат труда должен принадлежать только Ему. Тот же кто создает богатства только для себя, теряет свою душу, опускаясь в бездну греховных наслаждений плоти, как гласит Библия, – «Плоть – тлен, дух нетленен», духовное богатство важнее всех физических богатств мира.

Библия для первых переселенцев, протестантов была не просто Священной Книгой – она была руководством к жизни, все поступки членов общины сверялись с божественным законом. Следуя библейским постулатам, протестантские общины ограничивали попытки личного обогащения. Власть общины над жизнью ее членов была абсолютной, так как в первый период освоения нового континента в одиночку выжить было невозможно. Но, когда последующие поколения колонистов адаптировались к новым условиям жизни, из общин начали выделяться семейные кланы и группы единомышленников, создававшие свои маленькие колонии, а к середине 18-го века одиночки могли уже не просто выживать, но и создавать богатства только для себя. Протестантские общины, приспособившись к изменяющимся условиям, начали менять свои постулаты. Добродетельным

человеком стал считаться тот, кто своим трудом создавал личное богатство, но часть доходов отдавал на нужды общины. Бедность была отнесена к разряду пороков, так как быть бедным, в стране огромных возможностей, означало лишь одно – несостоятельность человека, отсутствие воли, характера, моральную ущербность. Бедняк ничего не вносил в общину, и хотя получал ее помощь, уважения получить не мог.

Библейская заповедь, “все люди братья”, уступила свое место заповедям Успеха, который стал своеобразной формой национальной религии. Америка создавала новую цивилизацию с новой моралью, моралью труда, моралью всеобщей конкуренции, в которой успех – знак любви Бога. Все что ведет к успеху, к богатству добродетельно. Аморально все, что ведет к неудаче. Неудача подтверждение порочности человека, а способность создавать богатство божественный дар, позволяющий приблизить человека к Богу, к Богу-Создателю.

«Христианство, в конечном счете, приспособилось к капитализму, которое было глубоко чуждым учению Христа.», писал немецкий философ Адорно.

Во второй половине 19-го века началась массовая иммиграция из стран Европы, и ее цели были иными, нежели цели Отцов-Пиллигримов. Это было бегство от европейской нищеты в земной рай, где “тротуары выстланы золотом”.

Оставить родную страну и отправиться на далекий континент, с только намечающимися признаками цивилизации, могли не только самые отчаявшиеся, но и самые отчаянные, способные на риск, динамичные и агрессивные в достижении поставленной цели, охотники за удачей. Значительный процент иммиграции составляли также “джентльмены удачи”, криминальный элемент, убийцы, воры, мошенники, бежавшие от европейского правосудия в страну полной свободы.

Новые иммигранты прибывали в Новый Свет служить не Богу, а Успеху. Для европейских бедняков материальное благополучие было важнее, нежели духовное совершенствование и нравственная жизнь. Русский поэт писал об Америке этого времени:

Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний! Из хат, из келий, из темниц Они стекались для стяжаний.

Рядом с притягательной, яркой мечтой о богатстве, все остальные аспекты жизни утрачивали свою ценность, и многообразие человеческих желаний и интересов, пройдя через американский плавильный котел, уходило в осадок.

Алексис Токвиль, французский юрист, побывавший в США в начале 30-ых годов 19-го века, увидел в американской экономической демократии огромные преимущества перед европейской авторитарной системой, но отмечал ее специфику, поражающую многих европейцев, – «Страсть американцев к приобретению богатств превзошла обыкновенные пределы человеческой алчности.»

Доступность богатств создавала небывалый накал борьбы среди многочисленных претендентов, и те формы жизни, которые возникали в ее

процессе, резко отличались от традиционных норм Старого Света, что шокировало европейцев, для которых богатство было лишь средством для достойной жизни, но не ее целью.

В иерархическом Старом Свете богатства переходили от поколения в поколение и борьба за него проходила только внутри привилегированного, имущего класса, низшие, неимущие классы боролись лишь за физическое выживание. А Америка предоставила полную свободу всем, и в борьбу за богатство были вовлечены миллионы. В отличие от других стран мира, которые строились на традициях и опыте прошлого, Америка создавала свою историю заново. Это было общество иммигрантов и оно складывалось в процессе слияния и взаимопроникновения полярных идей и идеалов, многочисленных культур и моральных ценностей. Америка спланировала противоречия в единое целое, соединив расчетливый прагматизм, необходимый для выживания, с религиозными идеями и рационализмом эпохи Просвещения, и создала особый, отличавшийся от европейского, американский образ жизни.

Как писал Фридрих Энгельс, – «Америка создавала свои традиции сама, исходя из конкретных обстоятельств, и обстоятельства формировали необходимые новые формы отношений...»

В новых формах отношений крайности сливались в непривычном для европейцев симбиозе, который европейцы не могли расшифровать. Всемирно известный английский путеводитель по многим странам мира, Бедеккер, в 1890 году предварил свое описание Америки следующим кратким комментарием, – «Америка стоит в том месте, где сливаются в одну две реки, одна течет в рай, другая в ад. Соединенные Штаты особая страна – это страна контрастов.»

Религиозность, которая, по сути своей, иррациональна, уживалась с рациональным, материалистическим мировоззрением. Уважение к другим сосуществовало с агрессивностью, отзывчивость и желание помочь с безразличием к чужой судьбе, честный труд и уважение к закону с широко распространенной преступностью, вера в честную игру – “fair game”, с всеобщей тенденцией к манипуляции другими, конкуренция всех со всеми, со стремлением к кооперации. Крайний индивидуализм с конформизмом.

Контрасты возникали в атмосфере небывалых свобод новой страны. Это был свободный поток в котором все его струи сливались в единое и неразрывное целое. Это были не две реки, а одна, она текла в одном направлении, в направлении разрастания материального богатства, и внутри нее возникали те формы и виды свободы, которые соответствовали фарватеру движения.

С одной стороны, свобода индивидуального предпринимательства привела к уровню материального комфорта, достижимого для многих, а в Европе доступного лишь ограниченному кругу. С другой, в рыночной демократии индивидуальная свобода могла существовать только внутри жестких рамок требований экономики, в которой для достижения личного успеха индивид должен отказаться от свободного самовыражения, экономическая игра требовала приспособления к постоянно меняющимся условиям. В Европе

конформизм, приспособление, были добровольным выбором, в Америке конформизм выбором не был, это была единственно возможная форма выживания.

В Европе, с ее сложившейся в течении веков экономической и государственной структуре, общество ставило индивида в рамки обусловленные законом, традициями, внутри этих рамок он был свободен. В Америке, где общество и государство только создавались, не существовало инструментов контроля над разношерстной массой иммигрантов из всех стран мира. Здесь свобода могла привести не к власти демократии, а к власти охлократии, власти толпы, власти плебса, в конечном счете, к анархии. Свобода, в этих условиях, была опасна, и чтобы обуздать хаос человеческих воль, ввести их в созидательное русло, были использованы те качества человеческой природы, которые в Старом Свете считались негативными, относились к разряду пороков. Один из основателей американского государства, Мэдисон, писал – «В европейской схеме гражданского общества утверждается, что человек, по своей природе, стремится к добру, а это приводит к расцвету всех человеческих пороков, и только деспотия сильного государства позволяет удержать людей от разрушительных инстинктов. Вера в добродетели человека не подтверждается жизнью. Когда человек говорит о свободе, он думает о свободе только для себя, когда он говорит о справедливости, он думает о справедливости только для себя. Не добродетели, а грехи двигают человеком, им двигает эгоизм.»

В Европе цели общества, нации, государства считались более важными чем цели и интересы каждого отдельного человека. Если позволить каждому думать только о себе, игнорируя интересы всех остальных, это неизбежно приведет к развалу общества. Всеобщее благополучие создается подчинением личного интереса интересам всего общества в целом. Государство, всей своей мощью, регулировало конфликты классов, социальных групп и индивидов.

Но в Америке, где сильного государства еще нет, общественный порядок мог быть создан только самими людьми, волей миллионов. Европа много веков создавала общественные структуры, используя разнообразные инструменты поощрения и наказания. У Америки, начинавшей с нуля, создававшей все общественные институты заново, с чистого листа, был лишь один инструмент – экономический, эгоистический интерес. Личное богатство может появиться только в результате многочисленных взаимовыгодных экономических связей, а в них необходим консенсус, всеобщее согласие с правилами, нужно считаться с интересами других, коллег, партнеров, поставщиков, покупателей.

В Европе идеалы гуманизма ставились выше практики материальной, а жизненный успех определялся по многим параметрам. Америка сузила представление об успехе до одной составляющей в конкретной, осязаемой форме, а счастье было определено количеством денежных знаков. Мечта о счастье воплощалась, как говорил Токвиль, в «романтике цифр, которые имеют неотразимое очарование». Цифры богатства приобрели значение

почти религиозное, это была особая форма идеализма, которую Токвиль отметил в своей фразе, – «Есть что-то сверхъестественное, мистическое в невероятной способности американцев к приобретению.» Через 100 лет после Токвиля, президент Кальвин Кулидж, в своей инаугурационной речи, скажет, – «Америка – страна идеалистов.», страна мечтателей, где любая идея, любая мечта достойна уважения если она ведет к большому богатству. Позади остались века мучительных раздумий человечества о смысле жизни, и о том, что такое успех, что такое счастье.

Америка самая свободная страна мира, потому что здесь каждый чистильщик сапог может стать миллионером, гласит расхожая истина, но все чистильщики сапог не могут стать миллионерами. Если все станут миллионерами, то кто же будет “миллионером”? Миллион – понятие символическое. Оно означает, что иметь миллион – это иметь больше, чем большинство. Все не могут иметь больше, чем большинство. Это противоречит здравому смыслу, но мечта к здравому смыслу отношения не имеет, мечта – это идеал, пускай и недостижимый.

«Американец черпает свои убеждения из народного фольклора, в котором каждый может стать миллионером, если мобилизует всю свою энергию и способности. Хотя это противоречит его жизненному опыту, он никогда не станет опровергать этот общепринятый миф.» Американский социолог Абель.

Мечта может противоречить жизненному опыту, но мечта – это не абстракция, она воплощает себя в системе общественных ценностей, и главная из них – уважение других. Человек может выжить в любых физических условиях, но, психологически, без уважения общества, он не выживает. И не он сам, а общество определяет, за что оно человека уважает, а за что презирает.

В Старом Свете качества личности – уникальность внутреннего мира, широкие и глубокие знания, эмоциональное богатство и высокие этические нормы, традиционно были качествами, которые приносили уважение общества. В Новом Свете уникальность личности определялась уникальностью банковского счета, и, чтобы стать личностью, заслужить уважение, нужно было стать “миллионером”. Непереносимо чувствовать себя, в глазах окружающих людей, ничтожеством.

Общественное уважение определяется количеством богатства, и прежде всего, деньгами, а критерии денежного статуса постоянно меняются. До середины 19-го века обладатель нескольких сотен тысяч долларов считался богачем. Во второй половине 19 века, такой же престиж имел миллионер, в последние десятилетия XX века – миллиардер. Движение к мечте не имеет конца.

Скотт Фитцджеральд в романе «Великий Гэтсби», – «Мечта всегда впереди, чем ближе мы к ней, тем дальше она уходит в будущее, но это не имеет значения. Мы побежим быстрее, протянем наши руки дальше. И, в одно прекрасное утро...» Или, как говорилось в старом анекдоте советского времени, – «коммунизм – это линия горизонта, которая удаляется по мере

приближения к ней».

Казалось бы, что может быть общего у Америки и Советского Союза, но цель советской и американской мечты была одна – рост материальных богатств.

Разница только в том, что Американская мечта – это мечта об индивидуальном материальном успехе, советская же мечта была мечтой о всеобщем, коллективном материальном благополучии. Но обе мечты выросли из одной и той же почвы, из идеи Прогресса, необходимости безостановочного индустриального развития, а цель индустрии – движение, движение с постоянно отодвигаемой целью.

Главный постулат Прогресса – покорение природы, не только физической природы, но и природы самого человека. В процессе приспособления к изменяющимся условиям жизни человек должен постоянно меняться, и только эта способность дает ему возможность выжить.

Экстремальным примером такого покорения природы и человека, служит история штата Джорджия, которая начиналась, как ссыльная колония для преступников. Заключенные британских тюрем, ступив на новую землю, получили свободу, свободу выживать в условиях дикой природы, при отсутствии всякой цивилизации и государства, свободу обрабатывать землю, по которой никогда не проходил плуг земледельца. Трудиться не на лендлорда или государство, а только на себя. Труд превратил британских уголовников в крупных землевладельцев, хозяев плантаций, а их потомков в аристократов Юга.

«Аристократы», пьеса Афиногенова, театральный триумф 30-ых годов, не сходящей с советской сцены почти сорок лет, также об уголовниках, заключенных, работающих на строительстве Беломоро-Балтийского канала, они также изменяются, но не в процессе труда на себя, а в условиях трудового лагеря. Советские уголовники создавали богатства, создавали «общественную собственность», и превращались в «аристократов» советской жизни. В процессе развития Прогресса труд превратился в главный инструмент «покорения природы» и человека, и стал ассоциироваться со свободой. Лозунг, стоящий перед внутренними воротами советских трудовых концлагерей, гласил – «Труд – путь к свободе». В немецких концентрационных лагерях лозунги были те же.

«Кто был никем, тот станет всем», провозглашала пропаганда труда в Америке и Советской России. Труд стал новой формой религии, недаром в Советской России широко употреблялся термин «религия труда», источником термина был американский протестантизм, который, собственно, и был истинной религией труда, без кавычек. Трудом создаются не только материальные ценности, труд воспитывает человека, создает тот общественный порядок, абсолютный порядок, о котором человечество мечтало со времен Платона, чья «Утопия» показала основное направление движения цивилизации к идеальному обществу.

Социалисты-утописты 17-го века, Томас Мор и Кампанелла, а в 18-ом Сен-Симон, Оуэн и Фурье, продолжили и развили идеи Платона, но это были лишь размышления, теории, в XX веке они получили материальную базу –

развитую индустриальную, массовую экономику. Ее цели, ее направление, определялись специфическими особенностями всех стран цивилизованного мира. В странах где государственные, политические цели традиционно считались более важными чем цели экономические новый порядок строился насилием государства, тотальный контроль осуществлял репрессивный аппарат. В странах экономической демократии инструментом тотального контроля была сама экономика.

Нацисты называли свою мечту – Третий Рейх, Новый Порядок, порядок, установленный на тысячелетие. Большевики также видели свою версию Нового Порядка, коммунизм, будущим всего мира. У Америки была та же цель – Новый Порядок на века, “Novus Ordo Seclorum”, эти слова впечатаны в однодолларовый банкнот, главный символ американской нации.

«Предшествующие века не могли дать тоталитарных режимов, в сословном обществе политика делалась узкой, элитарной группой и отражала её представления. Благодаря активному участию масс в политической и экономической жизни была создана база для создания тоталитарного общества.» Александр Зиновьев. Утопии прошлого говорили о неизбежности правильного порядка, а идея Нового Времени – постоянное изменение, постоянное разрастание богатств. Утопии видели в прошлом образцы “золотого века”, XX век, век Прогресса, видел в прошлом только ошибки. “Завтра будет лучше, чем сегодня”, говорила американская пресса, “Новое лучше старого”, говорила советская пропаганда.

Американский Эксперимент, начатый в 17-ом веке, к концу Первой Мировой войны превратил США в лидера социальных изменений, экономика общества потребления позволила создать новый общественный порядок. Свобода индивидуального предпринимательства, естественно, без какого-либо государственного нажима, вела экономику аграрной Америки в направлении индустриального производства, которое создавало больше продуктов массового потребления чем ремесленный труд. Массовое производство предоставляло массам все виды материального комфорта и их создатель и потребитель принимал новый порядок в котором он добровольно становился винтиком экономической машины.

Советский Эксперимент по созданию индустриальной экономики начался намного позже чем в США, и был попыткой, в условиях крестьянской, сельскохозяйственной, по преимуществу, страны, добиться того же уровня развития, которого достигла Америка. Единственной силой контроля в России традиционно было государство, и большевики придя к власти использовали мощь государственной системы, которая, уничтожая крестьянство как класс, формировала новый класс, рабочий. Государственным насилием крестьянин был превращен в работника сельскохозяйственной индустрии и вошел в состав индустриальной рабочей силы.

Америка, добившаяся огромных успехов в создании индустриального производства, превратилась в образец для Страны Советов. «Новая Русь», назвал свой гимн Америке крестьянский поэт Петр Орешкин в 1922 году :
И снится каждой полевой лачуге чудесный край. Железный Нью-Йорк.

В до-индустриальном обществе крестьянин добывал средства к существованию на своем участке земли, который давал ему все что нужно было для жизни, крестьянин зависел больше от природы, чем от общества в целом. В индустриальном обществе массовое производство продуктов потребления предоставляло не только рабочие места, но и все средства существования, индустриальная экономика стала мощным инструментом контроля как отдельного человека так и всего общества. Активное участие масс в экономической жизни привело к созданию огромных, небывалых богатств, сконцентрировавшихся в руках американской экономической элиты, давших ей возможность, манипулируя общественными институтами, создавать новые структуры власти, изменять жизнь всей страны.

В Советской России политическая элита, владея монополией на средства производства продуктов потребления, сумела провести кардинальные изменения во сферах общественной жизни. Полная экономическая зависимость населения от государства давала партийной номенклатуре мощный инструмент подчинивший общество и воспитать новую мораль, новое сознание, новое мировоззрение. Тем более что в России общество традиционно привыкло уступать государственному насилию.

В европейских странах социальную политику также осуществляло государство, но государство контролировалось обществом. В Америке государство также служило интересам общества, главной целью которого было увеличение богатств, поэтому экономическая элита, “капитаны индустрии” формулировала политические и экономические цели, создавала жизненные идеалы и воспитывала мировоззрение масс. Европейские страны создавали Новый Порядок разрушая старый мир, путем революций. «Мы старый мир разрушим, а затем...» В Новом Свете разрушать было нечего, Новый Порядок строился на континенте без всяких признаков цивилизации, и в этом было главное преимущество Америки перед старой Европой. Америка начинала с чистой страницы.

Французская революция 1789-го года провозгласила «Свободу, Равенство и Братство», – обобщенную трактовку многовековой мечты об обществе, где братство должно было стать результатом свободы и равенства. Американская Декларация Независимости, как будто объявляла о том же, – «Свобода, Равенство и Право на поиски счастья».

Но, «Свобода», в отличии от лозунга французской революции, не означала свободы личности, свобода понималась, как право на участие в конкурентной борьбе. «Равенство», понималось не как равенство социальное и экономическое, а как равенство возможностей в условиях индивидуального предпринимательства. Братству же не было места в борьбе всех со всеми за богатство, и призыв к братству, в лозунге Французской Революции, сменился «Правом на поиски счастья».

Европейские революции провозглашали расцвет личности, как свою цель и результат, а свободу, как свободу самовыражения личности, это была иерархическая система в которой свобода для личностей подразумевала отсутствие свободы для толпы, безликой массы. Американская цивилизация не ставила своей целью расцвет личности, на новом, необжитом континенте

требовался работник, все слои населения превращались в работников, в свободной экономике возникала другая социальная иерархия, иерархия результатов труда. Как писал один из создателей американской конституции Томас Пэйн, – «...экономика эффективно реализует принцип всеобщего равенства.»

Экономика нуждается лишь в одном типе человека, человеке Дела. Дело нивелирует личность, доводит ее до общепринятого стандарта и создает, таким образом, общество равных. В Европе одним из критериев определения личности была приобщенность к мировому знанию, высокой культуре, а человек дела не нуждается в знании большем, чем нужно для дела, а культуру видит как форму отдыха, как развлечение, он не нуждается в богатстве мировой культуры, богатство он понимает лишь как богатство материальное, физическое.

В Европе доступ к культуре имела потомственная аристократия и буржуазный класс, передававший богатство из поколения к поколению, а вместе с ним и культуру. В Соединенных Штатах не было ни потомственной аристократии, ни сложившегося буржуазного класса, ее элита состояла из тех, кто поднялся наверх из самых низов. Общественные классы отличались друг от друга не образованием, культурой и манерами, лишь экономическим статусом.

В Европе высшее общество жило литературой, театром, философией, а культурой простого люда были рыночные зрелища. Америка – страна простых людей, и рыночные зрелища здесь стали культурой для всех классов. Поэтому в Америке, раньше чем в других странах мира, выросла массовая культура, культура зрелища, которая, во второй половине XX века, начала победоносное шествие по всему остальному миру. Экономика, став главной целью американской демократии, вырвала людей из нищеты, унижавшей их достоинство, создала материальную базу для полноценной человеческой жизни, предоставила материальный комфорт, а культура должна была стать формой отдыха, развлечением в свободные от работы часы, обеспечить комфорт эмоциональный.

Маркс предвидел, что при капитализме экономика перестанет быть отдельной сферой жизни общества, займет собой все общественное пространство, и создаст те формы жизни, которые соответствуют целям экономики. Работы Маркса, во многом, были построены не столько на анализе, сколько на догадках, многие его догадки не подтвердились, но его догадка о том, что экономика, в будущем, станет главным содержанием и смыслом общественной жизни, была гениальным прозрением. Экономика, превратившись в центр общественных интересов, перестает служить интересам общества, она начинает служить только себе.

Маркс говорил о том, о чем, впоследствии, через сто лет, сказал, в форме сказочной аллегории, драматург Шварц, в своей философской пьесе “Тень”. В ней, “Человек” и его “Тень”, символизирующие Добро и Зло, представлены как единое целое, одно не может существовать без другого, человек и его тень неотделимы. Человек ценит свою тень, она его друг и, в тоже время, его слуга. Но “Тень”, Зло, не хочет смириться со своей служебной ролью, хочет

занять место “Человека”, Добра.

Если наложить мысль Маркса на сюжет “Тени”, и рассматривать отношения человека и его тени, как отношения человека и экономики, тогда становится наглядным, что произошло через 150 лет после Маркса. “Человек”, в пьесе Шварца, дал “Тени” полную свободу, но получив ее, она хочет не только полностью подчинить себе человека, она хочет его уничтожить, но, отрубив ему голову, она отрубает и свою. В пьесе, которую поставила западная цивилизация, “Тень” поступила умнее, маскируя себя как слугу общества, она стимулировала в человеке желания всего внешнего, физического, материального, что увеличивало ее рост, физический объем и, соответственно, ее власть над человеком.

Человек определяется его духом, его внутренней жизнью, но когда внешняя, материальная сторона жизни превратилась для него в единственную ценность, человек утратил свое духовное начало и стал частью материального мира, частью экономики.

До начала индустриальной революции политика, религия и культура были основными инструментами совершенствования человеческих отношений внутри стабильных социальных условий, но фундаментальные проблемы оставались нерешенными. Экономика смогла, во многом, эти проблемы решить, и политика, идеология, культура, вся жизнь общества подчинились ее огромной силе.

Экономика доказала свое преимущество перед всеми другими формами в создании сбалансированного общественного механизма, и, после крушения советского коммунизма, последнего оплота идеологии, на службу которой были поставлены политика, культура и экономика, западная демократия отказалась от декораций идеологических формул, и признала, что основным регулятором общественных отношений является сила, сила экономики.

Цивилизацию Запада принято называть христианской, но христианская мораль видела в Силе Зло, этические нормы христианства – любовь к ближнему и сострадание к слабым. Мораль сдерживает тот созидательный порыв, который несет в себе Сила. Сила, разрушая старое, создает новое, слабые только пользуются тем что создается Силой. Не личность, не свобода духа, не добродетель создают богатства, их создает Сила, в формах, рожденных индустриальным обществом. Эта Сила сумела реализовать многовековую мечту человечества о материальном благополучии, воспитав новое отношение к человеку – он ценен только тем, что он создает. Маркс был первым, кто увидел противоречие интересов экономики и целей, интересов человеческой жизни и назвал его одним словом, “отчуждение”. В процессе роста значения экономики в общественной жизни человек будет отчужден не только от продуктов своего труда, он будет отчужден от самого себя. Утратит те качества, которые и делают его человеком.

В Европе считалось, что государство является гарантией общественного и экономического развития, что оно балансирует интересы экономики и общества в целом. Но государство, громоздкий механизм, не обладает теми возможностями которые имеет свободный рынок, гибкий, постоянно

приспосабливающийся к изменениям. Государство, регламентируя все формы общественных отношений не только подавляет творческий потенциал нации в создании богатств, но и ограничивает все виды свободы.

Отцы-основатели США видели в государстве главную опасность для свободного развития общества, и стремились ограничить его власть. «Государство – главный враг общества», писал Томас Джефферсон, создатель Декларации Независимости.

Первый американский президент, Джордж Вашингтон, сравнивал государство с огнем, – «Пока огонь в камине, он добрый слуга, но если вы перестанете за ним следить, он сожжет ваш дом».

Без государства общество существовать не может, но общество должно научиться контролировать эту силу, которая всегда имеет тенденцию вырваться из «камина».

В конце XX века стало очевидно что ту же тенденцию имеет и другая сила, экономика. В период экономических кризисов это становится особенно наглядным. История дает множество примеров когда государство насильем подчиняло общество своим целям, противоречащим задачам и целям человеческой жизни. Экономика обладает еще большей силой влияния на общество, так как строится на общественном договоре, общество добровольно принимает условия которые диктует ему экономика.

10 thoughts on “АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА”

1. **KSA** says:

[November 18, 2008 at 12:00 am](#)

Не знаю , как для остальных, для меня это религиозно-печальный обзор мировой тенденции....

[Reply](#)

2. **_leo_** says:

[November 18, 2008 at 12:00 am](#)

Слишком много натяжек в произведении, ПМСМ.

[Reply](#)

3. **Tsch** says:

[November 18, 2008 at 12:00 am](#)

Фундаментальненко, но воспринимается очень тяжело... Самое главное осталось непонятным: что автор хотел сказать?

[Reply](#)

4. **saman** says:

[November 18, 2008 at 12:00 am](#)

скучно

[Reply](#)

5. **русский** says:

[December 3, 2008 at 12:00 am](#)

Какая смесь одежд и лиц,
племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стекались для стяжаний.

в этом стихотворении пушкин писал не об америке, а о русских разбойниках.

[Reply](#)

6. **русский** says:

[December 3, 2008 at 12:00 am](#)

все меняется. не стоит плакать по несбыточному и выдуманному.
не американская мечта и американский миф.

[Reply](#)

7. **Ян** says:

[December 4, 2008 at 12:00 am](#)

Согласен, что воспринимается статья тяжело.

Но меня она впечатлила. Спасибо автору, он сумел оформить в слова то, что роилось у меня в голове – разрозненно, беспорядочно, на уровне чувств.

Вывод статьи примерно понятен: экономика – не смысл жизни человечества, она должна четко регулироваться обществом; ее нельзя предоставлять самой себе.

Вопрос: предложит ли автор конкретные пути осуществления этого контроля?

И каким автору видится смысл жизни человека (человечества)?

[Reply](#)

8. **SandCat** says:

[December 25, 2008 at 12:00 am](#)

Русская Мечта есть, она высказана в русских народных сказках. Жить по Совести и в ладу с Промыслом Божиим, а не брюхожопыми устремлениями.

[Reply](#)

9. **А.Ю.** says:

[January 15, 2009 at 12:00 am](#)

Про тень впечатлило и заставило задуматься. Тень как программное обеспечение человека.

[Reply](#)

10. **Вежливый** says:

January 19, 2009 at 12:00 am

По-моему, четко видно, что автор не ставит перед собой цели дать рецепт лекарства от болезни.

Видно, что автор реально оценивает свои силы, и не берется за то, что не смогло сделать все человечество. :)))

Он просто последовательно, логично и связно описывает ситуацию от ее начала, до сего дня.

А что с этим делать – решать вам.

Я лично – автору благодарен. Огромное спаибо еще раз.

Читается как триллер, на одном дыхании.